

Моск. Комсомолец. - 1992. - 10 мар

ВЕЛИКИЙ

ДВОРНИК

В ПОЛЯХ

БЕСКОНЕЧНОЙ

РОСЫ

В НАШЕМ поле зрения появился новый объект — маленькая черная книжка. Удачи тем, кто ищет. Она не из тех книг, что объясняют нам, почему мы должны жить печально. Ибо издана питерским товариществом «Сестра» тиражом в сто тысяч и называется «Дело Мастера Бо».

В интеллектуальных кругах нынче принято хаять винодельческий завод «БГ», а мне смешно, — ну что они смыслят в вине? Если кто-то равняет БГ с БП или ОМ — так он только вышел, чтобы стрелкнуть сигарет. Если комиссия по творческому наследию Франческо де Милано ищет процентов — не трать время, милая. Вспомни Шекспира. Если литературный критик не знает, куда записать БГ — в правые или в левые — дам наводку: он просто пытался растить свой сад и не портить прекрасный вид.

Впрочем, Ветер Серебряного Века — он у него в ладонях...

Между тем, кем он был, и тем, кем он стал, — лежит бесконечный путь. Он весь — в этой книжке. Когда-то он был воспитан, хотя и не без потерь — тогда он видел деревья там, где мы были склонны видеть столбы. А в пальцах его вода превращалась в дым:

У него учились никогда не спешить, когда некуда больше спешить. Носить фрак. При этом поить шампанским всех бродячих собак. Мыть стены рано утром, устав читать стихи всю ночь подряд. О, то было славное время: то в чулане, с дырой в кармане, то чай на полночных кухнях, нам нужно было так много!

А потом обнаружилось, что и поезд этот в огне, и наши отцы никогда не солгут нам (они не умеют лгать), и сам он констатировал факт: козлы. И мы жили так странно две тысячи лет.

Теперь все прояснилось. Шесть пластинок, два фильма, Америка рукоплещет. Не скучно ли в этом тепле?

Последние появления БГ в телевизоре рассмешили: то он целится в камеру из винтовки, весь такой белый офицер, то называет ТВ «бесовством»... Понятно, конечно: выстроил дом — в доме становится тесно. И быть Учителем в сорок лет не уютно. Уютнее быть героем. Но в наше время, когда каждый третий герой, оставаться героем пошло. Герои все умерли.

Ладно, попытаемся простить ему, что не всегда пел чисто. Ведь по правде то пел чисто — всегда. Нес порой чего-то, когда в телевизор лез или интервью давал (он так прекрасно не давал их никогда прежде!) — однако пел так долго, возможно, в этом что-то было (было, было!); и жизни трепетанье, и грома громыханье, и страх, что мы хуже, чем можем, и радость, что все в надежных руках... Да что там, разве я знаю слова, чтобы сказать о тебе?

В общем — храни меня, пока не начался джаз.

Николай МАЛИНИН.